

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНЫЙ СЕВЕР

ОРГАН ВОЛОГОДСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ ВКП(б).
ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 137 (9583)

Пятница, 15 июля 1949 года.

Год издания XXXI

Могучий талант

(К 45-летию со дня смерти А. П. Чехова)

Чехов умер накануне первой русской революции. Ту эпоху царской России, когда он жил и творил, Ленин уподоблял тюрьме. Но о той же эпохе, ярко отразившейся в замечательных произведениях Чехова, великий вождь пролетарской революции писал: «...В России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: «пастушила очередь мыслей и разума»... Именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мировоззрения».

В ту пору русской жизни 80-х годов прошлого столетия Чехов как один из самых «передовых» представителей человеческого разума строил идеальные и художественные основы своего творчества, которые сложились в суровый обаятельный приговор российскому самодержавию, в горячий, смелый призыв к созданию новой жизни.

Чехов дал описание одного из типичнейших старой России, учителя гимназии Великого. Этот «человек в футляре» — жуткий обобщенный образ тупого консерватизма и упорной косности, олицетворение бездушной тупости, бессмысленного страха перед всем новым и светлым.

Чехов заставляет читателя задуматься в страшный смысл существования этого «человека в футляре». «А разве, — спрашивает писатель, — то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, живем неуныные бумаж, играем в винт — разве это не футляр?».

Оказывается, есть не только «человек в футляре». Есть целый го-

род «в футляре». И тесную, пошлую, косную жизнь таких «городов в футляре» Чехов изобразил в ряде своих рассказов и повестей.

В своих лучших произведениях Чехов с полной достоверностью показал, что из себя представляет страна, задыхающаяся в футляре самодержавного произвола, буржуазного хищничества и неразрывно с ним связанного — угнетающего бескультурья.

С огромной художественной силой в повести «Моя жизнь» обрисовал он горькое, бесправное положение рабочих России, которые и свои заработанные деньги «должны были всякий раз выпрашивать как милостыню...». Не менее прямые и негодующие слова Чехов находит для изображения нищеты деревни в эпоху, предшествующую первой революции. Повесть «Мужики» в этом смысле представляет собой обличительный акт против корыстолюбия, жадности, разврата господствующих классов в условиях самодержавия.

Чеховская тяжелая картина дореволюционной деревни, задыхающейся под гнетом дикого произвола, полнейшего бесправия, безземелья и нищеты, вполне соответствует тому, что говорили о положении русского крестьянства В. И. Ленин в своих трудах «Развитие капитализма в России» и «Аграрный вопрос в России к концу XIX века». Недаром повесть Чехова «Мужики», показывавшая безысходность нищеты и темноту русской деревни, вызвала критику со стороны тех же «друзей природы» — либеральных наркомов, которые с еще большей резкостью

отрицали все, что говорили о той же деревне В. И. Ленин.

Нарисовав в ряде произведений жизнь интеллигенции, выведя немало достойных ее представителей, Чехов вынес суровый приговор существовавшим в то время общественно-политическим позициям реакционной, безыдейной интеллигенции. Словами писателя представляет молодое поколение студент Трофимов говорит: «Громадное большинство той интеллигенции, которую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно. Называют себя интеллигенцией, а прислугой говорят «ты», с мужиками обращаются, как с животными, учатся плохо, серьезно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусство понимают мало».

Горький еще при жизни Чехова глубже всех понял и точнее всех определил художественное значение и общественный смысл творчества этого писателя, назвав его «могучим талантом». Горький писал ему: «...Вы есть человек, которому достаточно одного слова, для того, чтобы создать образ и фразы, чтоб сотворить рассказ, дивный рассказ, который ввертывается в глубь и суть жизни, как бур в землю».

Чехов, действительно, не только описывал родную страну в тесноте и тьме «футляра» царского гнета и буржуазного хищничества, — он, как судья, выносил смертный приговор темноте, бескультурью, произволу и насилию, царившим в самодержавной России.

«Я ненавижу дождь и пасмурные

всех их видах...», писал Чехов еще в 1888 году. «Мое святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от сил и жги, в чем бы последица две не выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником».

Чехов не был ни политическим деятелем, ни революционером, но, вопреки суждениям буржуазных критиков и литературоведов, он признавал писательство одной из высших форм общественной деятельности и в своем творчестве всегда осуществлял «программу» человечности и свободы. «Ее назначение», писал он о литературе, — правда безусловная и честная... Литератор не копидтер, не косметик, не увеселитель; он человек обязанный, за-контрактанный сознанием своего долга и совестью».

Правда Чехова, «безусловная и честная», в том, что он, показывая жизнь «в футляре», всегда осуждал, отрицал ее искренне и горячо. Каждый свой рассказ, пьесу, повесть он превращал в убедительный страстный призыв к отрицанию обветшалых устоев старой жизни, к созидательному труду во имя лучшей жизни, к вере в будущее, несущее человечеству новые идеалы и преобразующее к человеку новые требования.

С глубоким патриотизмом Чехов своей и искал новой жизни для своей Родины. Он призывал к тому, чтобы эта жизнь была воплощением освобожденного труда. Писатель предвидел, какой красотой и силой расцветит жизнь русских просторов, когда на них появится человек — строитель свободной жизни.

«На Енисее жизнь началась столном», — пишет Чехов в очерках «По Сибири», — а кончится удачно, какая нам и во сне не снилась... Я

стоял и думал: какая полная, унылая и смелая жизнь осветит со временем эти берега!». Так думал Чехов всюду, где приходилось ему жить, потому что любил Родину и ее народ, в чем бы последица два не выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником».

По поводу смерти знаменитого путешественника Н. М. Пржевальского Чехов писал о людях труда и подвига ради культуры и общественного блага: «В наше большое время, когда европейскими обществами обузана лень, скука жизни и неверие, когда парят небрежностью и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, подвижники нужны, как солнце... Их личность — это живые документы, указывающие обществу, что кроме скептиков, мистиков, психопатов, либералов и консерваторов, есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознательной цели».

К этим людям культурного подвига принадлежал сам Чехов, и он умел находить их в жизни и воплощать в образы. Вспомним поистине героический образ ученого-врача Димыва («Попрыгунья»), отдающего жизнь за науку и любовь к человеку! Этих людей подвига Чехов страстно желал России. Но он вовсе не думал, что жизнь может измениться от постепенного прихода культурных одиночек. Еще за девять лет до первой революции он писал о том, что нужны другие способы борьбы — сильные, смелые, скорые.

Чехов верил в необятные жизненные и творческие силы русского народа и предвидел, что пробуждение этих могучих сил для борьбы за новую жизнь совершится в недалеком будущем. В повести «Палата № 6» это предчувствие светлого будущего для России выражено с полной ясностью: «Можете быть уверены, что наступят лучшие времена!... Воскресит зари новой жизни,

восторжествует правда, и на нашей земле будет праздник! И не дождусь, исхожу, но зато чини-нибудь правду! чини-нибудь дождусь. Приветствую их от всей души и радуюсь, радуюсь за них!».

Внимательно вглядываясь в русскую жизнь, ощущая подьем народных сил, примечая рост недовольства существующим общественно-политическим строем, Чехов все увереннее и сильнее говорил о прекрасном будущем русского народа. «...Каждый новый рассказ Чехова, — свидетельствовал Горький, — все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту, — ноту борьбы и любви к жизни».

С особой силой эти ноты звучали в драматических произведениях Чехова. Они писали свою настоящую жизнь на сцене Художественного театра, которому суждено было первому раскрыть в Чехове великого писателя, разрывавшего пределы мрачной действительности для творческих мыслей — мечты о будущем.

В своих рассказах и повестях с их прекрасной ясностью, с их мудрым законником, с их предельной простотой повествования Чехов являлся, по определению Л. Н. Толстого, «Пушкиным в прозе». В своих пьесах он стал зачинателем новой реалистической драмы, отвергшей все приемы и «каноны» искусственной театральности и полюбившей от авторов глубокой правды переживаний вместо внешнего мастерства. И тем сильнее было впечатление, произведенное на зрителей последними и лучшими пьесами Чехова — «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад». Перед зрителем развешивалась строго правдивая картина русской жизни — жизни скучного провинциального города, оскудевшей дворянской усадьбы. Но уже ясно и

авно слышались голоса, возмущающие о конце старой жизни, о наступлении новых времен. Одни из героев драмы «Три сестры» говорили с полной уверенностью: «Пришло время, надвигается на всех нас гроза, готовится адская, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какое-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!». Эти слова полностью сбылись значительно раньше. Всего через четыре года раздался первый громоподобный удар революции, а через 16 лет пришла и та «адская, сильная буря» — Великая Октябрьская социалистическая революция, которая, уничтожив все отжившее в стране, принесла ей новую жизнь.

«Вперед! Мы идем неуклонно к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставай, дружище!.. Вся Россия наш сад», — эти слова Чехова звучат во славу новой жизни, звучат приветом новой России освобожденного труда и свободной культуры.

Близкий друг Чехова, верный и лучший источник его творчества на сцене, К. С. Станиславский свидетельствовал: «Он один из первых почувствовал неизбежность революции... Человек, который залогом предчувствовал многое из того, что теперь совершилось, сумел бы принять все предсказанное им».

Чехов в его произведениях остается жить с нами как современник нашей великой эпохи, строящий ту новую жизнь для Родины, о которой он мечтал, как о жизни прекрасной и свободной, воплощающей лучшие надежды человечества.

Проф. С. ДУРЫЛИН.